

КРОВЬ НА СОЛНЕЧНЫХ ПАРУСАХ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Кровь на солнечных парусах

<https://litres.ru/74596559>

SelfPub; 2026

Аннотация

В кольцах Сатурна команда «Пересмешника» грабит корпоративные баржи. Очередной рейд обещает лёгкую добычу, но вместо руды пираты находят терраформер — устройство, способное запустить необратимое изменение марсианской биосферы.

Теперь за ними охотятся земной флот, марсианские наёмники и корпоративные службы. Продажа груза сулит свободу от долгов. Уничтожение может лишить их доказательств массовой гибели людей. А человек, предлагающий защиту, намерен использовать машину ради собственной революции.

Пока повреждённый корабль пробирается к поясу астероидов, старые тайны раскалывают команду. Чтобы остановить катастрофу, пиратам придётся решить, сколько стоит их свобода — и кто заплатит за неё.

Руслан Махмудов

Кровь на солнечных парусах

Кровь на солнечных парусах

Руслан Махмудов

Глава 1. Чужая баржа

Марк заметил, что на барже не гасят свет.

Обычно, когда к грузовику цеплялись без регистрации, капитан сначала прятал людей в убежище, потом выключал всё, что могло помочь чужим. Здесь продолжали гореть полосы вдоль наружного перехода. Через иллюминатор кормовой рубки виднелась чашка, прихваченная липучкой к столу. Над чашкой мигал рабочий экран.

— Может, спят, — сказал Давид.

Марк перевёл камеру на него. Давид висел в трёх метрах левее, зацепившись за поручень коленом. На шлеме торчала неровная заплата: утром Лев задел её отвёрткой и ещё не успел залить края. Давид отказался менять шлем. В запасном плохо работал обогрев подбородка.

— Все шестеро? — спросил Марк.

— У них смена кончилась.

Давид показал время в накладной, словно Марк забыл, за-

чем они выбрали именно этот час.

На внешнем канале коротко щёлкнула Ада.

— Совпадение скоростей держу. Двенадцать минут без коррекции. Потом нас потянет к внутренней кромке.

— Понял.

«Пересмешник» лежал за спиной Марка, заслоняя половину неба. Паруса убрали ещё до входа в рабочую область кольца. Вдоль корпуса были натянуты серые рукава сложенных ферм; на одном рукаве белела свежая ткань. Лев зашил порез вчера, сидя на полу у камбуза, и не разрешил Глебу резать заплату ровнее. Плохой край, по его словам, лучше напоминал, где нужно проверять крепёж.

За кораблём медленно поднималась бледная дуга Сатурна. Кольцо здесь почти не походило на ту светлую пластину, которую печатали на дешёвых туристических стендах. Лёд расходился отдельными блёстками, иногда настолько мелкими, что его выдавал только стук по защитному щитку. В плотные полосы Ада их не заводила. Она вычислила подход к барже с наружной стороны, по старому маршруту обслуживающего буксира, и трижды заставила Марка подтвердить время отхода.

На груди у капитана мерцали часы. До конца её окна оставалось одиннадцать минут сорок секунд.

Баржа называлась «Добрый урожай». Под названием виднелся плохо покрашенный прежний номер; владелец менял регистрацию, но экономил на очистке корпуса. В накладной

значились картриджи водных фильтров, комплект мембран и сорок тонн сухой питательной смеси. За такие вещи платили быстро. Яна уже разложила будущую выручку: долг за рабочее тело, новая медицинская кассета Рут, ремонт тепло-сброса. Остаток должен был покрыть шестую часть выкупа корабля.

Марк отказался считать остаток. Посредник мог ошибиться в качестве груза. Получателем числилась станция на Рее, а Савелий Дрей сообщил другой адрес — склад «Гелиады» на внешней трассе. Для груза с чужим адресом всегда находились причины.

Лев добрался до сервисного люка и вставил зажим. Его дыхание усилилось в общем канале.

— Кто-то уже вскрывал.

— Снаружи?

— Изнутри. Замок новый, крышка старая. Болты даже не затянули по кругу.

Марк притянул себя к люку. На одном углу прокладки торчал лоскут прозрачного герметика. Пока корабли сближались, он считал баржу просто изношенной. Теперь решил, что износ здесь ни при чём.

— Давид, выведи их внутреннюю связь.

Давид прижал считыватель к контактам. На запястье у него одна за другой погасли красные точки.

— Сервисный проход есть. Диспетчерские сообщения пустые. Кто-то стёр последние двое суток.

Лев перестал работать.

Марк посмотрел в кормовой иллюминатор. Экран мигал с той же частотой. На нём могла быть заставка; снаружи было не разобрать.

— Возвращаемся? — спросил Давид.

Он сказал это без обиды. За три года научился спокойно принимать отменённые выходы. Потом, правда, весь вечер ходил по кораблю и проверял крепления — с него долго не сходило неистраченное возбуждение.

Марк набрал аварийную частоту баржи.

— «Добрый урожай», говорит обслуживающая группа. У кормового люка обнаружено нарушение герметичности. Подтвердите число людей.

Он оставил паузу. Лев смотрел на него сквозь два слоя стекла.

— Сейчас скажут, куда нам с обслуживанием, — пробормотал Давид.

Из динамика раздалось тихое шуршание.

— Кто вы?

Женский голос. Человек старался говорить громко, но у него не хватало дыхания.

— Техническая группа. У вас повреждён сервисный люк.

— Здесь нет технических групп.

Марк убрал из голоса всё успокоительное.

— Мы с «Пересмешника». Если откроете, заберём часть груза и уйдём. Людей не трогаем. Это предложение действу-

ет, пока вы не начали стрелять.

Лев отвернулся к замку. Давид опустил руку со считывателем.

Ответ пришёл спустя несколько секунд:

— Тогда уходите.

— Вам нужна помощь?

— Уходите. Они ещё здесь.

Связь оборвалась.

Ада сообщила, что в дальнем секторе загорелся ходовой сигнал. Пока без номера. Она не могла определить, шёл ли он к барже или пересекал их маршрут.

Марк посмотрел на закрытый люк. Дрей обещал грузовик без конвоя. Не обещал пустой.

— Давид, найдёшь, откуда говорили?

— Если не выключат сервисный блок.

— Ищи. Лев, открой наружную крышку. Внутреннюю не трогай.

— Ты слышал женщину?

— Слышал.

Лев задержал на нём взгляд. Потом вывел ручку зажима на полный ход.

Крышка отошла легко. Под ней оказался короткий цилиндрический шлюз с двумя ящиками вдоль стен. На одном крупными буквами было написано «СМЕННЫЕ УПЛОТНЕНИЯ». Марк осветил ящик, внутреннюю дверь, потолок. На потолке проходил свежий кабель, пристёгнутый к старой

проводке белыми стяжками.

— Назад, — сказал он.

Лев уже отпустил ручку. Пальцы Давида оставались на панели.

Что-то двинулось за ящиком. Марк увидел плоскую линзу, маленький тёмный ствол рядом с ней и ударил Льва плечом.

Давид успел повернуться.

В шлеме хлопнуло. Марк не сразу понял, что слышит собственную радиосвязь: микрофон Давида передал удар по нагруднику, потом сухой короткий вдох. На корпусе шлюза появились две светлые отметины.

Марк ухватил Давида за страховку и толкнулся ногами от поручня. Лев ушёл ниже, к изгибу корпуса. У него не было времени развернуть оружие; он прижал к борту ладонь, но острая кромка рассекла правую перчатку у большого пальца. На ткани проступило тёмное пятно.

Давид оказался слишком лёгким. Страховка натянулась, ремень повернул его лицом к Марку. Визор остался цел. Рот был открыт, глаза следили за капитаном с непонятным ожиданием.

— Держи выдох, — сказал Марк. — Я закрываю.

Он достал пластырь, но не нашёл отверстия спереди. Керамическая пластина нагрудника треснула у края. Второй удар прошёл ниже, через мягкую часть костюма.

— Рут, готовь шлюз. Ранение грудной клетки, разгерме-

тизация.

Он назвал ранение прежде, чем увидел его, и тут же пожалел об этом. Рут спросила про давление. На панели Давида мигало четыре килопаскаля, потом два. Марк прижал аварийный мешок к его боку. Тот дёрнулся, хватая воздух, которого уже не было.

— Закрыл? — спросила Рут.

— Закрываю.

— Марк, закрыл?

Он выдернул второй пластырь. Нужный край оказался под страховочным ремнём. Давид перестал дёргаться.

Ада считала расстояние до собственного шлюза. Сорок метров. Марк толкнулся, но ремень зацепился за поручень баржи и вернул его обратно.

Лев появился сверху. На левой руке у него висела резальная скоба. Он перерезал страховку, ухватил Давида за раму ранца.

— Вдвоём, — сказал он.

Они оттолкнулись. Марк слышал собственное дыхание и Аду, уже не называвшую метры. Она просила не вращать пострадавшего. Глеб открыл наружную дверь. В белом проёме медленно разворачивались пустые ремни носилок.

Когда они добрались до шлюза, Рут ещё пыталась получить показатели с нагрудника Давида. Потом попросила оставить его внутри и закрыть дверь.

Марк передал тело Глебу. Тот поймал его за плечи, увидел

визор и ничего не сказал.

Лев висел рядом. Его правая перчатка была разрезана у основания большого пальца. Газ из неё больше не выходил: аварийная манжета успела пережаться.

— Входи, — сказал Марк.

— Там автомат. Три ствола, один смотрит вниз. По линзе работает. Камера не корабельная, я такие видел.

— Входи к Рут.

Лев покачал головой.

— Ты всё равно полезешь обратно.

Марк мог ответить, что им необходимо выяснить, кто стрелял. Мог сослаться на женщину. Мог приказать. Он посмотрел на свой аварийный пластырь: пальцы так и держали вторую полоску, теперь совершенно бесполезную.

Давид пошёл к панели по его приказу.

— Я не отправлю туда ещё одного, — сказал Марк.

Лев придвинул левую руку к капитанскому поясу и защёлкнул короткую страховку.

— Тогда не отправляй. Пойдём оба.

В общем канале снова возник женский голос. Теперь Марк слышал каждую сорванную попытку вдохнуть.

— Вы ещё живы? Здесь подача заканчивается. Если вы живы, откройте нижний переход. Не верхний. Нижний, сорок второй отсек.

Ада сказала:

— Дальний борт изменил курс. Идёт прямо к нам. Восем-

надцать минут, если держит нынешнюю тягу.

Марк убрал пластырь в карман, где лежали использованные. На этот раз он не стал прикидывать, сколько стоит фильтровая мембрана.

Глава 2. Седьмая койка

Рут сообщила о Давиде, когда Марк добрался до брюха баржи.

Она не сказала «мы его потеряли». Назвала время и попросила капитана подтвердить запись. Он подтвердил. Лев замер у очередного поручня, потом переложил резальную скобу в левую руку.

— Сначала кисть, — сказал Марк.

— Манжета держит.

— Когда перестанет, у тебя не будет предупреждения.

Лев подтянулся ближе к борту, зажал предплечье между страховкой и металлическим ребром. Марк снял с собственного пояса аварийный рукав, натянул поверх разрезанной перчатки. Лев не помогал: внутри перчатки его пальцы, должно быть, онемели. Капитан нажал на зелёный клапан. Рукав обхватил кисть плотным прозрачным пузырём.

— До Рут хватит, — сказал он.

Сорок второй отсек нашли по схеме Давида. Последняя передача оставалась в общем журнале — Давид успел отправить её за секунду до выстрела. Марк раскрыл файл и увидел весь нижний переход, от машинного блока до пассажирского убежища. В одном месте Давид поставил вопросительный

знак: рядом с грузовой ячейкой находилась отдельная линия охлаждения, отсутствовавшая в накладной.

Люк нижнего перехода был механическим. На его рукоятке остался замёрзший тёмный след. Марк посветил дальше и нашёл возле страховочного кольца обрывок синего рукава с нашивкой «Гелиады».

— Здесь кто-то выходил, — сказал Лев.

Марк проверил потолок, пространство за щитком, обе стороны двери. Свежих кабелей не было.

— Женщина, вы меня слышите?

— Слышу.

— Оружие внутри есть?

— На мне — нет.

Он отметил ответ, но времени уточнять не осталось.

Наружная крышка поддалась только после третьего оборота. За ней был маленький шлюз. Его давление равнялось давлению снаружи. Марк вполз, проверил внутреннюю дверь резальной скобой, затем включил ручную подачу. Стрелка поднялась медленно: воздух приходил из резервного баллона, основной контур не работал.

Лев остался снаружи.

— Прикрою дверь. Ползёшь один — и это мне не нравится.

— Мне тоже.

У внутренней двери стояла женщина в тонком рабочем комбинезоне. Седина была коротко острижена, на правой

щеке отпечаталась сетка какой-то панели. Она держала зажим для пережатия труб — слишком тяжёлый, чтобы удобно ударить им в невесомости, но отпустить не хотела.

— Где остальные? — спросил Марк.

— Четверо в убежище. Двое здесь.

Она указала вниз по переходу. На полу, который сейчас был лишь одной из стен, висели два тела, закреплённые транспортными ремнями. На синей куртке первого темнели отверстия.

— До нас?

Женщина посмотрела на ствол у его плеча.

— До вас. Вы не первые, кто пришёл за грузом.

— Кто стрелял?

— Охрана. Потом ушла. Я слышала, как отстыковался ка-тер. Автоматы они оставили.

Марк передал Аде положение убежища. Попросил Яну принять четырёх людей через их грузовой переход, но сначала проконтролировать скафандры. Охране могли оставить одежду без нашивок.

Женщина опустила зажим.

— У вас на барже был человек. Молодой. Вы успели?

— Нет.

Она закрыла глаза. Марк ждал, что скажет что-нибудь обычное. Женщина провела пальцем по губе и спросила:

— Сколько до другого корабля?

— Четырнадцать минут.

— Тогда нужно забрать цилиндр. В тридцать восьмой ячейке.

— Нам нужны люди.

— И цилиндр.

Он включил свет ярче. У её запястья, под краем рукава, виднелась красная полоса. Такая же была на другом. Она заметила, куда он смотрит, и стянула рукав.

— Вы пассажир?

— Инженер. Эстер Валь.

— Что в цилиндре?

— Испытательный блок биосистемы. Его нельзя оставлять им.

— Я не знаю, кто такие «они».

— Те, кто убил экипаж. Или те, кто сейчас идёт. Они могут быть на разных кораблях.

В гарнитуре появилась Яна. Четверо в убежище были живы; механик назвал себя Матвеем Сором, капитан — Томасом Бриком. Ещё двое: повар Нелли и ученик машинной смены Оскар. У Брика разбито колено. Запас воздуха убежища почти израсходован.

Марк приказал вывести их. Лев отстегнулся от капитана, чтобы помочь Яне с носилками. Теперь между баржей и «Пересмешником» ходили две страховочные линии. Ада удерживала корабль двигателями: первоначальное окно закончилось. Каждый импульс передавал по корпусу короткую дрожь.

Эстер привела его к ячейке. За открытой дверью плавала свернувшаяся упаковочная плёнка. Среди неё стоял закреплённый четырьмя скобами цилиндр, немногим выше человеческого роста. Никаких страшных символов. Серый металл, два патрубка, панель с зелёной строкой температуры. Рядом болтался планшет на коротком тросике.

— Декларация? — спросил Марк.

Эстер отвела глаза.

Он взял планшет. Первые страницы были грузовыми. Вес, допустимые положения, температурный режим. Потом шли красные рамки с закрытыми полями. В строке класса стояло слово, которое он раньше слышал только в новостях о Марсе.

«Терраформер».

Марк посмотрел на Эстер. Она уже снимала плёнку с транспортных рукояток.

— Вы сказали «испытательный блок».

— Он испытательный.

— Класса «Терраформер».

— Да.

Марк снова поднял планшет, словно слово могло измениться от нового взгляда. В системе регистрации такое оборудование относилось к планетарному, не к корабельному. Восемь уровней допуска. Лицензия на каждый перенос. Военный конвой даже для пустого корпуса.

Здесь корпус удерживали обычные скобы.

— Почему он на этой барже?

— Чтобы не спрашивали.

Ада сообщила: десять минут до дальнего борта. Тот наконец включил номер. «Смотритель-4», корпоративная охрана. Приказал всем в секторе оставаться на месте для проверки безопасности.

Марк отправил ему сообщение о раненых. Ответ пришёл через девять секунд:

«Не производите спасательных операций. Верните всех членов экипажа на зарегистрированный транспорт».

Яна к этому времени перетасила Брику в свой шлюз. Нелли шла за ней, не выпуская пакет с лекарствами для Оскара. Марк видел их через общую камеру: четыре человека в одолженных костюмах, слишком больших в плечах. Никакого груза они не несли.

— Ада, разведи камеры. Пусть наши регистраторы пишут отдельно. Всё, начиная с первого вызова.

— Уже пишут.

Он посмотрел на цилиндр.

— Вы умеете его отключать?

— Охлаждение нужно сохранить. Сам он ничего не запускает. Здесь нет среды, с которой он работает.

— Если пробить?

— Сломается. Но сначала послушайте...

— Потом. Сколько на отсоединение?

— Две минуты. Если не будете помогать за патрубки.

Он вызвал Глеба. Тот был в грузовом переходе и ругал-

ся на опору носилок, которая заела в самый неподходящий момент. Услышав массу цилиндра, сразу спросил про охлаждение, а не содержимое.

— Притащите его к нижнему порту. Магнитная тележка там. Один не толкай, уронит тебя об стенку.

Марк закрепил тележку и освободил две скобы. Эстер закрыла клапаны, сняла патрубки, накрыла их защитными колпачками. На последней скобе её пальцы задрожали. Он перехватил ключ.

— Дышите медленнее.

— Здесь уже меньше тридцати.

Он взглянул на показание воздуха. Она называла давление. Его костюм держал нормальное, и он успел забыть, что женщина стоит рядом без костюма.

Марк отдал ей спасательный дыхательный капюшон. Она натянула его, даже не попробовав отказаться. Лицо за прозрачной плёнкой стало странно маленьким.

Внизу их ждал Глеб в рабочем скафандре. Вместе они вытолкнули тележку через порт. Цилиндр задел край. Глеб остановил его подошвой, стянул на себя стропу и медленно развернул груз боком.

На внешнем канале «Смотритель» потребовал открыть все шлюзы для дистанционного осмотра. Марк хотел спросить, откуда охрана знает, какие шлюзы открывать на незарегистрированном корабле. Не спросил.

За ячейкой с цилиндром стояли контейнеры фильтров.

Целые, нужного образца. Он посветил на маркировку. Глеб проследил за лучом.

— Можно взять два. Зацепим за тележку.

Марк представил ещё две минуты: остановить, перевязать, проверить крепление, снова толкнуть. Давид уже лежал у Рут. Четверо людей ждали, когда закроют дверь. Лев держал страховку повреждённой рукой.

— Оставь.

Глеб убрал свет. Больше он не предложил ничего.

Последней с баржи ушла Эстер. Она отвернулась, когда проходила мимо закреплённых тел. Марк взял бортовой регистратор с аварийной стойки — коробку с сорванной пломбой — и только после этого вылез сам.

«Пересмешник» принял тележку, людей и две обледененные страховки. Глеб крикнул из перехода, что груз закреплён. Рут потребовала оставить ей свободную линию связи. Ада начала отводить корабль, не дожидаясь, пока Марк снимет шлем.

Он ещё стоял в шлюзе, когда с «Смотрителя» пришёл последний приказ:

«Немедленно верните груз».

О людях в нём не было ни слова.

В медотсеке лежал Давид. Рут укрыла его до подбородка. Она освободила крайнюю койку, сняла оттуда его плед и предложила Эстер сесть.

Эстер не села.

— Это его место?

— Сейчас другого нет, — сказала Рут.

Марк остался в дверях. Он знал, что обязан подойти к Давиду. Вместо этого смотрел, как чужая женщина медленно опускается на свободную койку, стараясь не задеть локтем край снятого пледа.

Глава 3. Тепло в темноте

Ада сняла ладонь с тягового рычага. Большой палец продолжал болеть: всё время эвакуации она давила им на страховочную кнопку. Можно было переключиться на автоматическую коррекцию, но автоматика не знала о двух натянутых тросах и человеке с повреждённой рукой между кораблями.

Теперь тросы втянули. Рычаг стоял на нуле. «Пересмешник» продолжал уходить от баржи с тем небольшим преимуществом в скорости, которое она успела набрать.

На экране горела дуга возможного перехвата. «Смотритель» мог догнать их за двадцать семь минут, если сразу бросил свою прежнюю цель. Ада не знала, бросит ли. Поэтому выбрала маршрут, где решение охраны переставало быть самым важным.

— Глеб, внешний теплосброс закрой. Буфер выдержит?

— Для семерых — час девять. Ты нас посчитала?

— Одиннадцать.

В ответ он выругался коротко, без изобретательности.

— Сорок минут. Потом открываю хоть под огнём.

— Дай тридцать две.

Она развернула схему добычного сектора. Пять лет назад здесь разбирали старый ледовый перегрузчик. В реестре отмечались четыре части корпуса, два массивных баковых блока и неопределённое число мелких фрагментов. Ада каждый месяц проверяла этот участок по дешёвым картам обслуживающих судов. Он подходил для подхода к баржам, но оставаться в нём никто не хотел: блуждающий мусор бил по радиаторам.

Ближайший баковый блок находился в шести километрах. Когда-то он держал тысячи тонн воды. Теперь пустой корпус был пробит, но всё ещё заслонял достаточно неба.

Она ввела две поправки. При втором импульсе корабль едва заметно качнуло. Лев сообщил, что кто-то из спасённых не пристегнулся и ударился головой. Рут заняла линию, и он исчез.

— Прости, — сказала Ада в уже пустой канал.

За креслом появился Марк. Волосы у него стояли влажными прядями. На переносице остался красный след уплотнителя.

— Куда идём?

— За старый бак. Они потеряют прямую линию. Если полезут следом — выйдем с другой стороны.

— Они не маленькие.

— Поэтому сюда не полезут. Но могут стрелять сквозь бак.

Она показала схему. Марк не наклонился к экрану: смот-

рел на него сверху, держась за край кресла. Ада поняла, что он слышит, но не складывает услышанное в решение.

— Мне нужен ответ сейчас. Продолжать или идти на открытый разгон?

Он наконец перевёл взгляд на её пальцы.

— Продолжай.

— Тогда оставь мне аварийный канал. Без переговоров с ними следующие полчаса.

Марк кивнул и оттолкнулся к двери. Через мгновение вернулся.

— Цилиндр охлаждается отдельно. Это учтено?

Ада остановила ввод.

— Нет. Глеб?

— Уже разбираюсь, — отозвался тот. — Он ест наш холдный контур. Двадцать шесть минут, Ада. Больше не дам.

Она вычеркнула на бумаге тридцать две. Написала двадцать четыре, оставив две минуты на ошибку. Марк смотрел на лист. Ему не нравились её бумажные расчёты, пока не приходилось принимать решение по повреждённому экрану.

— Он важнее корабля? — спросила Ада.

— Пока не знаю.

— Узнай до следующего такого ответа.

Он ушёл.

Бак приближался медленно. Большую часть размеров пришлось вычислять: на тёмной поверхности уцелели только две полосы навигационной краски. Над разрывом метал-

ла застряла решётка, похожая на перекошенный козырёк. Её конец торчал прямо на выбранной линии.

Ада уменьшила скорость сближения. Ей хотелось пройти ближе, уйти в тень быстрее, но касание массивного обломка расплющило бы корабельные фермы. Она оставила запас, которого не любила в спокойных расчётах и никогда не убирала в настоящем полёте.

Дуга перехвата изменилась. «Смотритель» тормозил возле баржи.

В открытом канале появился капитан Брик. Голос чужого человека был громким, потому что Яна подала его из грузового отсека через резервный микрофон.

— «Смотритель-4», говорит капитан «Доброго урожая». Экипаж эвакуирован. Я на спасательном судне. Прошу принять пострадавших. Подтвердите, что вы меня слышите.

Ада вцепилась в подлокотник.

Марк вмешался раньше неё:

— Брик, прекращайте передачу. Вы выдаёте наше положение.

— Они наши! Они не могут...

Яна отключила внешний выход. Слова капитана ещё пару секунд гремели по внутренней линии, затем тоже исчезли.

Ада пересчитала последние отметки. Один короткий сигнал помогал определить направление, не точную дальность. Но охрана уже видела, куда ушёл «Пересмешник». Бак должен был скрыть движение, а не стереть прошлое.

Она выключила активный обзор и оставила пассивные камеры. Теперь за каждым неизвестным мерцанием приходилось смотреть самой. Отсутствие сигнала не означало отсутствие корабля.

В рубке становилось жарко. Обычно она замечала перегрев сначала по запаху пыли у нижней панели, потом по липкой спинке кресла. Сегодня спинка намокла ещё у баржи.

Ада расстегнула ворот и запретила себе думать о Давиде. Через несколько часов ей нужно было удалить его доступ к внешней связи. Это делала она: составляла корабельные профили, убирала людей из списка. Раньше он приносил ей чужие помехи, которые удавалось слушать как музыку, и смеялся, когда она возвращала записи с пометкой «только шум».

На экране изменилось отражение баржи.

Ада приблизила картинку. Между «Смотрителем» и грузовиком раскрылась короткая белая нитка. Баржа распалась не сразу. Сперва отделилась кормовая панель, затем возник свет внутри, где проходила магистраль питания. От этого света «Добрый урожай» стал похож на открытый шкаф.

— Все на внутренних местах, — сказала Ада. — Убрать людей от стен.

Глеб спросил, что случилось. Она отправила изображение.

Вспышка прошла через два кадра. После неё баржа больше не была одним предметом. Бак закрывал прямую линию

к «Пересмешнику», но отдельные фрагменты уходили далеко от основного облака. Ада изменила положение носа, подставляя им защитную плоскость.

— Они знают, что людей там нет, — сказал Марк из перехода.

Ада посмотрела на журнал Брика. Подтверждения от охраны не пришло. Это могло ничего не изменить; могло стать единственным документом, который потом кто-нибудь решится читать.

Она сохранила его передачу рядом с записью вспышки.

Через четыре минуты что-то ударило по баку. Раздалось глухое эхо по корпусу «Пересмешника»: мелкий обломок попал в наружную ферму. Ещё два скользнули по носовому щитку.

Глеб потребовал показать тепловой остаток. Ада вывела ему график. Запас закончился раньше расчёта: испуганные люди дышали чаще, в медотсеке работал дополнительный аппарат, цилиндр забирал больше, чем обещала первая цифра.

— Сколько? — спросила она.

— Пять минут.

«Смотритель» всё ещё висел возле уничтоженного грузовика. На его корпусе двигались два огонька — вероятно, выпущенные аппараты. Он проверял обломки.

Ада могла развернуть радиаторы за баком и остаться. Но их тепло прогревало бы старый металл, и охрана увидела бы

пятно. Могла уйти совсем без тяги — слишком медленно, кромка кольца проходила близко. Или дать двигателям один заметный импульс и надеяться, что «Смотритель» занят.

Она позвала Марка. Показала ему три линии, назвала цену каждой.

Он помолчал.

— На какой ты согласна лететь?

Так он спрашивал до «Меридиана». После того рейда чаще говорил: «Нам нужно».

— На третьей.

— Выполняй.

Ада предупредила всех за двадцать секунд. Затем включила тягу. Бак начал смещаться влево. На носовом экране возникло свободное пространство, усеянное тусклыми льдинками. Глеб открыл радиаторы не сразу; выждал, пока корабль выйдет из тени, чтобы не развернуть тонкие панели у торчащей решётки.

Тепловая отметка стала видна любому, кто смотрел в их сторону.

На «Смотрителе» один огонёк начал возвращаться. Второй оставался среди обломков. Сам корабль не развернулся.

Ада не сказала, что они спаслись. Ввела следующий участок и только тогда позволила себе отпить тёплой воды.

Марк пришёл в рубку с планшетом. На нём значился новый маршрут.

— Брика примут на «Скобе». До станции тридцать шесть

часов?

— Если расходовать больше, чем у нас есть, — сказала Ада. — Сорок два. И потом нам нужен разгонный маяк.

— Разве нельзя своим ходом?

— Можно. До склада на Рее. До другого спутника. Ты хочешь остаться здесь?

Он не ответил.

Ада открыла перечень лицензий. Последний пропуск на большой маяк истёк месяц назад. Дрей обещал продлить, когда получит свою долю. Давид напоминал ему дважды.

Она положила лист с вычеркнутыми минутами под клавиатуру. Рядом написала номер лицензии и обвела его.

Через сорок два часа они могли сдать пострадавших и продать цилиндр, если нашёлся бы покупатель. Но чтобы покинуть систему Сатурна раньше, чем их начнут ждать у каждого порта, им всё равно требовалась помощь человека, который прислал наводку на баржу.

Глава 4. Цена приёмки

Брик уходил последним.

Марк помог ему подтянуть ортез на колене. Капитан баржи придержал его руку — не для благодарности, скорее чтобы остановить лишнее движение.

— Дальше сам. Вы сделали, что могли.

Это было неправдой. Марк мог не приближаться к барже. Мог не обещать оставить людей в живых голосом человека, пришедшего забрать их имущество. Мог забрать филь-

тры вместо цилиндра, который теперь занимал треть грузового перехода.

Брик повернул голову к шлюзу.

— Там спросят, кто нас подобрал.

— Скажете.

— Название тоже?

— Оно снаружи написано.

Брик выдохнул сквозь нос. Отдавать ему спасательный костюм насовсем Яна не согласилась; уже у двери сняла с него запасной баллон. Её хватало на сочувствие, но не на четыре новых комплекта после каждого рейса. На «Скобе» был воздух и обычная тяжесть в жилом барабане. Их встречала медицинская бригада.

Оскар, ученик, вернулся на два шага, чтобы отдать Рут ножницы. Она попросила оставить: на станции могли начать снимать с него одежду, не задавая вопросов, а своих вещей у него почти не было. Оскар растерялся, потом сунул ножницы в пакет Нелли.

Марк проводил всех четверых взглядом. Когда закрылась станционная дверь, живых на «Пересмешнике» стало семеро.

Глеб поставил контейнер с телом Давида в холодную грузовую ячейку. Рут сама закрепила крышку. Марк подписал медицинскую запись и не стал отдавать тело станции: семья жила на Церере, далеко от Сатурна. Яна спросила, какой маршрут он собирается оплачивать для умершего. Он отве-

тил, что пока не знает.

Она не напонила про фильтры. Это было хуже напониания.

«Скоба» состояла из жилого барабана и приваренных к центральной оси ремонтных площадок. На каждом третьем экране рекламировался выкуп повреждённых кораблей. На каждом втором предлагали кредит на ремонт. Глеб ещё при подходе указал Марку на оба предложения одним пальцем и попросил не смешивать их с решением настоящей проблемы.

За сорок два часа он успел осмотреть ферму. Обломок повредил провод привода, но не силовой шарнир. Его можно было срastить. С правым радиатором дело обстояло хуже: старая течь стала заметнее после холодного режима. Глеб не просил заменить весь блок; сообщил, что без двух новых секций он не подпишется под дальним рейсом.

Марк не собирался в дальний рейс. Ему нужен был человек, способный купить цилиндр и перестать задавать вопросы.

Такой человек сидел за толстой прозрачной перегородкой на восьмой площадке.

Осип Таль принимал их раньше. У него были светлые брови, неуместно аккуратная рубашка и привычка раскладывать покупаемые вещи по степени собственного отвращения. Разбитую технику он ставил справа, личные украшения слева; чужие паспорта хранил под столом. Всё имело цену, просто

некоторые предметы не хотелось видеть во время обеда.

Сегодня Таль разложил перед собой только салфетку.

— Откуда нашли? — спросил он.

— Списанный лабораторный модуль.

— Класс?

Марк подвинул копию декларации. В ней остались вес, состояние и название устройства. Серийный номер он закрыл. Таль внимательно посмотрел на закрытое поле, потом на открытое.

— Это не лабораторный модуль.

— Вам не обязательно покупать.

— Сидите.

Таль поднялся, опустил шторку и достал другой планшет. Марк заметил, как чуть дрогнуло его запястье. Он знал этот жест: Таль так двигался, когда оплачивал долг, который хотел оспорить, но не мог.

— Мне нужна проверка. Десять минут. У вас охлаждение держит?

— Держит.

— Сопровождающий есть?

Марк не ответил.

Таль пригладил край салфетки.

— Без инженера эта вещь не стоит столько, сколько вы надеетесь. Кому продадите пустой корпус?

— Назовите цену за корпус.

Таль назвал. За такие деньги можно было заменить оба

радиатора и закрыть весь долг корабля. Купить второй, не самый плохой, и разделить остаток между шестерыми. Число было слишком большим для честной покупки незнакомого оборудования.

Марк начал вставать.

— Проверку я сделаю удалённо, — быстро сказал Таль.
— Сюда груз не несите. Сейчас согласую транспорт.

На столе повернулся индикатор переговорной. Из белого стал жёлтым.

Раньше у Таля на проверку приходили техники. Иногда вооружённые. Марк отступил к двери, держась так, чтобы стол не закрывал ему чужие руки.

— Откройте штору.

— Здесь все договоры закрытые.

— Откройте.

В наушнике щёлкнула Яна.

— Марк, швартовная перестала давать разрешение на выход. Говорят, проверка приёма пострадавших.

Таль услышал только имя, но лицо у него изменилось.

Марк подошёл к перегородке и положил ладонь на стекло.

— Что вы им сказали?

— Не им. В центральный реестр. Там отметка на это оборудование.

— Вы сказали, где оно?

— Послушайте, я не могу принять такую вещь без...

Марк ударил по кнопке открывания двери. Она осталась

закрытой.

Таль поднял обе руки.

— Я знаю, кто вы. Вы поймите и меня. Мне нельзя ещё одно взыскание. Они закроют площадку, и всё. Ни вы, ни ваш Дрей не помогут.

Марк не стал грозить ему. Здесь угрозы звучали бы глупо: между ними стояло стекло, а управляющая дверь принадлежала Талю. Вместо этого показал включённый личный регистратор.

— Сколько вы только что предложили за разыскиваемый груз? Повторите в микрофон. Чтобы они видели, как правильно вы торгуете.

Таль смотрел на него секунды три. Потом нажал под столом. Дверь открылась.

Марк вышел, ещё не придумав, что делать дальше.

На ремонтной площадке не было солдат. Два стационарных охранника стояли у внешнего перехода, третий разговаривал с медицинским сотрудником. В стороне Нелли объясняла что-то человеку в сером костюме. Все были заняты работой; это спокойствие пугало больше сирены.

Яна вывела на его браслет полученное извещение. Орбитальное управление Земли требовало задержать судно «Пересмешник». Экипаж подозревался в захвате баржи, убийстве её работников и похищении сотрудника «Гелиады».

Рядом уже появилась фотография Марка. На ней он был моложе и аккуратнее: снимок делали после освобождения из

«Шахты-9».

Марк сохранил извещение и попросил Аду прогреть контур. Два охранника подняли головы. Ему оставалось двадцать метров до собственного шлюза. Он не побежал — бег выдал бы, что он прочёл сообщение раньше них.

За спиной кто-то окликнул его.

Вперёд вышел Брик. Он опирался на Нелли и явно нарушал медицинские указания. Капитан баржи начал говорить охраннику громко, нетерпеливо:

— Вот меня допросите. Это моя баржа. Я вам уже объяснил: нас закрыла собственная охрана. Спросите центральную службу, чей приказ был...

Охранник преградил ему дорогу. Другой потянулся к рации.

Марк дошёл до шлюза. Лев открыл внутреннюю дверь левой рукой.

— У нас блокировка. Если рванём двигателем, оторвём порт.

— Глеб знает?

— Он там.

Марк увидел на экране механика снаружи, у швартовного кольца. Глеб снял декоративную крышку с привода. Работал в своём скафандре, будто выполнял обычный ремонт, за который станции хотелось бы выставить счёт. Под правым плечом мигала жёлтая медицинская отметка. Рут после выхода велела ему не перегружаться; он прикрыл значок лоскутом

ленты, но лента отклеилась.

— Марк, — сказала Ада, — запасной замок ручной. Он на станции, не у нас.

Глеб успел отключить только основной привод.

Появилась Эстер. Она держала планшет декларации.

— Передайте управление швартовщикам. Мне нужен инженерный канал.

— Чтобы вы нас сдали? — спросила Яна.

— Они уже знают, кто я. Если бы я хотела остаться, пошла бы с вашими пострадавшими.

Марк включил канал.

Эстер показала открытый участок документа, не трогая закрытых полей.

— Станция «Скоба», здесь транспорт опытного биомодуля. Ваше удержание нарушает температурный регламент. До превышения параметров двенадцать минут. Примите охлаждение на собственный контур или освободите порт. Фиксирую имя оператора.

В ответ начались уточнения. Эстер называла номера, которые Марк не понимал, и всякий раз возвращалась к имени ответственного. Их ядро могло держаться ещё долго: Глеб только что это подтвердил. Но станционный оператор не знал схемы после переноса. Ему предлагали принять в свою систему неучтённый опасный груз.

Ада не убирала пальцев с управления. Яна стояла возле двери. Никто не шевелился, пока снаружи не загорелся зе-

лѐный сектор ручного замка.

— Разрешили отход на внешнюю стоянку, — сказала Ада.
— Не дальше.

Глеб вернул крышку, добрался до шлюза и ударил по наружной кнопке.

Дверь закрылась. Марк почувствовал мягкий толчок двигателей. Станция уходила в сторону, охранник возле перехода всё ещё разговаривал с Бриком.

Через минуту пришѐл приказ вернуться. Марк отключил приём вызовов, оставив запись.

Яна посмотрела на Эстер, потом на капитана.

— Две новые секции, — сказала она. — Фильтры. Доля Давида. И теперь ещё планетарная машина, которую ни один нормальный приёмщик не возьмѐт. Что мы делаем?

Марк открыл личную связь. В старом списке Савелий Дрей оставался первым.

Глава 5. Люди внутри числа

Марк отправил Дрею короткую сводку. Груз не тот, что в наводке. Баржа уничтожена после эвакуации. Есть живой инженер и опытное оборудование. Нужен закрытый канал и выход из системы.

Название класса он вписал в последнее поле. Серийный номер оставил у себя.

Ответа пришлось бы ждать: по последней отметке Дрей находился в поясе. На местной трассе за несколько минут можно было обмениваться угрозами и ценами, но до человека

за орбитой Юпитера сообщение шло иначе. Марк проверил время отправления и убрал планшет. Это не мешало ему доставать его каждые несколько минут.

Рут нашла капитана в грузовом переходе. Он сидел возле цилиндра на откидной ступени и смотрел на зелёную строку температуры.

— Не мешай вентиляции, — сказала она.

Он отодвинул ногу.

— Она может разговаривать?

— Разговаривала уже целый час. Я не хочу, чтобы она потом снова потеряла сознание.

— На «Скобе» держалась.

— На «Скобе» и Лев держался. Сейчас он не может застегнуть себе штаны.

Рут протянула ему чашку. Он хотел отказаться, но понял, что она пришла не с просьбой. В чашке был солёный бульон с крупинками сухих овощей. Марк вспомнил, что последний раз ел до выхода к барже.

Эстер появилась следом. На ней был Давидов запасной свитер. Длинные рукава Рут подвернула, закрыв следы на запястьях. Эстер заметила взгляд Марка и провела ладонью по ткани.

— Можно я его потом верну семье?

— Сначала расскажите, что мы везём.

Рут села у противоположной стены. Глеб продолжал работать за раскрытой панелью; при разговоре он не оборачи-

вался, но выключил инструмент.

Эстер попросила диагностический планшет. Марк отдал. Она ввела последовательность и подержала палец на боковом контакте. Экран показал схему, больше похожую на карту городской водопроводной сети, чем на внутренности оружия.

— Это ядро смены биологического цикла. Его сделала «Гелиада» для Марса. Я работала над архитектурой.

— Вы можете выключить его?

— Оно не включено. Сейчас здесь сохраняются культуры, управляющие матрицы и журнал. Работа начнётся, если его поставят в центральный распределитель совместимой сети.

Марк показал на корпус.

— В новостях говорят: сутки — и другая планета.

— В новостях не показывают сто лет труб под почвой. Воду, в которой уже живёт наша система. Установки, которые поддерживают атмосферу. Если привезти это на голый камень, получится дорогой контейнер с бактериями.

— А на Марсе?

Эстер подняла карту. По ней расходились ветвящиеся линии.

— Там оно получит вход. За первые сутки переключение станет необратимым. Новый цикл начнёт вытеснять старый. Почвы и воздух будут меняться дольше, но вернуться к прежнему состоянию уже не удастся простым выключением.

Рут не смотрела на схему.

— Людей собирались выводить?

Эстер кивнула.

— На время санитарной коррекции. Часть марсианских зон теряет устойчивость, урожайность падает. Новый цикл рассчитан на другую нагрузку. По утверждённой модели жители возвращаются после стабилизации.

— А по вашей?

Эстер убрала карту.

— Керн-6. Опытная станция возле Сатурна. Замкнутая среда, уже подготовленная к нашему протоколу. Двести восемьдесят шесть человек. Мы дали старт девятнадцать дней до вашего рейда.

Она произнесла число слишком быстро, будто давно приготавлилась, но снова не смогла сказать дальше.

— Семнадцать вышли, — добавила она.

Рут попросила список. Эстер открыла его и остановилась на первой странице.

— Лида Нерад проверяла наши контрольные кассеты. Она просила перенести смену, у сына был выпускной. Я попросила её остаться до стабилизации.

— Она вышла?

— Нет.

Эстер передала планшет. Рут не пропустила первую страницу, хотя ответ уже знала.

Глеб положил инструмент. Марк услышал щелчок только потому, что никто не говорил.

— Где остальные? — спросила Рут.

— Там.

— Эвакуация должна была быть до запуска.

— Станцию считали обитаемым контрольным образцом.

Людей должны были перевести в изолированные жилые секции. Семнадцать успели в независимый катер. Остальные остались в секциях.

Рут поставила свою чашку на фиксатор.

— В которые вы пустили общий воздух.

— Контур был раздельный. Но регенераторы использовали одну биологическую основу. Протокол прошёл через них. Это не вошло в модель.

— Через сколько заметили?

— Через сорок три минуты.

— Через сколько остановили?

Эстер посмотрела на цилиндр. Ответить было нечем.

За переборкой что-то ударило о стену. Лев уронил свою кружку и позвал Яну; она ответила, чтобы он подождал, обе руки у неё были заняты. Обычный корабельный шум вернулся не вовремя. Марк поймал себя на том, что рад ему.

— Зачем вас повезли с ядром? — спросил он.

— Я выгрузила сводку. Начальник смены передал её в независимую комиссию. Меня изолировали, а станцию закрыли. Потом сказали, что привлекут к проверке на другом объекте. На барже я увидела ядро. Они не отправляли его на проверку.

— Почему не сломали сразу?

— В нём оригинал журнала. Он пишет не только параметры среды. Приказы, ручные подтверждения, момент, когда руководство получило сигнал. Если бы они просто разбили корпус, осталось бы это уведомление о перемещении. Они хотели выдать уничтожение за аварию перевозки, вместе со мной.

Марк вспомнил два тела в переходе баржи. Охрана закрепила их ремнями, чтобы не мешали при отходе. Для людей, которые это сделали, будущая авария началась ещё до выхода в космос.

— Значит, можно отправить журнал.

— Диагностическую часть. Как сводку я уже отправляла. Корпорация назвала её повреждённой выгрузкой. Мой допуск отозван.

— Остальное закрыто?

— Подпись находится в удостоверительном слое. Его считают на поверочном стенде, не на корабельном планшете. Журнал можно вырезать, но потом никто не докажет, кто его написал и что не изменил после.

— Вы хотите тащить четыреста килограммов до такого стенда.

— Четыреста тридцать.

Глеб поднял глаза. Эстер поняла, как прозвучала поправка, и тихо сказала:

— Да. До независимого.

На планшете нашлась копия временного запрета. Комиссия остановила марсианскую коррекцию на шестьдесят суток. Теперь до истечения запрета оставалось пятьдесят два дня. Если новых удостоверенных данных не поступало, подписанное ранее разрешение снова вступало в силу.

Рут забрала планшет. Читала долго, иногда возвращаясь на предыдущую строку.

— Они же получили вашу сводку.

— Поэтому и остановили. Чтобы расследовать. Но первичную проверку делает лаборатория владельца сети. Они уже представили объяснение: нарушение санитарного регламента на Керне. Не дефект протокола.

— А вы что представите?

Эстер потёрла кончиками пальцев след на запястье.

— Собственную подпись под допуском. И приказ продолжить после первого аварийного сигнала. Я была там. Я его выполнила.

Марк не стал спрашивать, почему. Ответ мог оказаться достаточно понятным, и от этого он не хотел защищать её больше.

Он вернул себе чашку, остывшую и почти полную.

— Мы можем выбросить это за борт. Передать ваши записи комиссии, потом вас высадить. Вы инженер, вам найдут место.

— Найдут, — сказала Эстер. — Вы видели, как меня перевозили.

— Мы не умеем останавливать планетарные программы.

— Я не прошу вас останавливать. Доставьте туда, где есть независимая приёмка. Узел «Собор» в поясе. Он раньше делал поверку марсианских систем.

— Раньше?

— Последний допуск в моём журнале — год назад. Что сейчас, я не знаю.

Глеб взял планшет и открыл приложение к запрету. Его интересовали не юристы, а рисунок стенда.

— Здесь две подписи нужны, — сказал он.

— На аварийный отзыв протокола, — пояснила Эстер.
— Независимый государственный оператор и разработчик, участвовавший в проверке. Участие подтверждает сам журнал. Отзыв блокирует именно этот цикл, не действующую сеть. Но сначала необходимо удостоверить данные.

Марк посмотрел на дверь. За ней находились люди, которым он обещал рейд на грузовик и ремонт корабля. Теперь все они были в розыске, а он сидел перед женщиной, чья подпись стоила двумстам шестидесяти девяти людям жизни.

— Я должен спросить команду.

Эстер опустила планшет.

— Спросите.

Он доел бульон. Ложка цепляла крупинки со дна, и это простое движение почему-то не давалось: всякий раз оставалось ещё что-то, что нужно было собрать.

Глава 6. Право на долю

Собрались в камбузе, где ещё оставались надписи Давида на стене. Он записывал, кто последним брал из общего ящика сладкое, и всякий раз менял систему подсчёта. У Глеба стояла одна отметка, у Льва — восемь. Яна стёрла свою сразу, заявив, что закупщик имеет право проверять качество.

Марк сидел на месте Давида. Сперва не заметил. Когда заметил, уже не стал пересаживаться.

Вращательную секцию запустили после ухода от станции. Здесь снова можно было поставить чашку на стол, не закрепляя. У Рут на колене лежал перевязочный пакет. Лев держал правую кисть поверх стола, как чужой предмет, за которым нужно присматривать. Ада принесла бумажные карты. Глеб — счёт на ремонт, ещё не оплаченный.

Эстер стояла у двери.

— Вам тоже сесть, — сказал Марк.

Яна чуть подвинула табурет, освобождая место, но не посмотрела на неё.

Марк пересказал разговор в грузовом переходе. Назвал числа с Керн-6. Показал запрет и приложение с двумя подписями. Не стал утверждать, что Эстер говорит правду обо всём: отметил, что это её версия, которую пока подтверждают доступная диагностика и часть документов.

Лев слушал, разглядывая бинт.

— Они нас разыскивают, потому что мы это знаем? — спросил он.

— И потому, что у нас ядро.

— Если я завтра начну знать меньше, меня перестанут искать?

Марк не ответил.

— Тогда не говори, что у нас выбор между рейсом и спокойной жизнью, — продолжил Лев. — Спокойную мы уже пропустили.

Яна раскрыла счёт.

— У нас есть выбор между рейсом и капитуляцией. Пострадавшие дали показания. Брик разговаривал при людях. На станции есть запись. Сдаём женщину вместе с её вещью, требуем публичную приёмку. Нас не могут просто выкинуть в люк перед камерами.

— Но могут обвинить в убийстве, — сказал Глеб.

— Вот пусть доказывают. Нам не нужно продавать устройство. Его передача тоже что-то стоит.

Рут перебрала край пакета.

— Она слышит.

— Я про передачу под следствие. Не приёмщику. Мы же не оставим её в холодном шлюзе.

Эстер подняла голову.

— Моя запись была в комиссии. Я сама к ним обратилась. На барже оказалась после этого.

— А мы оказались в розыске после того, как вас забрали. Простите, но пока ваша процедура работала плохо.

Марк видел, как сжались плечи Эстер. Она не стала возражать. Это неожиданно придало словам Яны вес: перед ни-

ми не было человека, который знал надёжный выход.

Ада развернула карту.

— Если остаться, нам нужно другое судно. Здесь наша регистрация уже в каждом порту. Если уйти — маяк. На нашем запасе к поясу вовремя не доберёмся. С нормальным разгонным проходом — тридцать четыре дня от нынешней точки. Но мне нужен конкретный узел и окно, я не могу обещать маршрут на слове «Собор».

— Ты можешь запросить его реестр?

— Запросила. Ответ придёт. Если узел отвечает.

Марк прочёл выражение её лица и понял, что перед совещанием следовало сделать хотя бы это. Она уже сделала за него.

— Приёмщик назвал цену, — сказал он. — Достаточную, чтобы закрыть корабль. Не факт, что заплатил бы. Дрей может.

Глеб убрал счёт.

— Ты связался?

— Отправил.

— До нас или после?

— До.

Яна кивнула, словно это было естественно. Ада ничего не сказала.

Дрей одиннадцать лет держал залог на «Пересмешник». Сначала в счёт выкупа капитана, потом на двигатель, затем на документы. Марк выплачивал долг, но тот оставался.

Дрей не требовал невозможного, иногда переносил платежи, в трудные месяцы присылал работу. Марк знал, что именно такие кредиторы чаще всего остаются с человеком до смерти.

Он также знал, кто вытащил его из «Шахты-9». Это не исчезало от неприятной арифметики.

— Я предлагаю уйти, — сказал он. — Доставить ядро на независимую приёмку. Дрей поможет с разгонным проходом и ремонтом. Если купит груз на условиях, которые нас устроят, решим отдельно.

— Независимая приёмка или продажа? — спросила Рут.

— Я не знаю, что получится.

— Тогда так и записываем.

Глеб потянул к себе общий планшет. Ввёл предложение, развернул экран к остальным. Так они делили риск на больших рейсах: список условий, имена, подтверждение. Последние три выхода Марк обходился устным согласием. Сегодня привычная форма оказалась ему неудобна.

Ада добавила, что маршрут принимает она, а неисправный теплосброс не считается допустимой капитанской уступкой.

Глеб вписал две новые секции или эквивалентный ремонт до разгона. Рут — право прервать выход при медицинской угрозе экипажу. Лев долго держал палец над экраном.

— Никого не отдаём отдельно от корабля без его согласия, — сказал он.

Яна выдохнула.

— Даже её?

— Особенно её. За нами не впервые идут. Раньше мы не делили людей на товар и тех, кто его везёт.

Марк вспомнил «Меридиан». Рабочий за дверью. Яна тогда сказала, что его освободят свои, и Марк дал отход. На бумаге никто никого не продавал. По дороге они просто выбрали, чей запас воздуха их больше не касается.

Он посмотрел на Яну. Она поняла и отвела глаза.

— Запиши, — сказал Марк.

Последней оставалась доля Давида. По корабельному договору погибший сохранял долю в добыче завершённого рейса. Но рейд закончился без продажи, а дальнейший маршрут никто заранее не оговаривал.

— Его семья получает одну седьмую чистого дохода с ядра, если доход будет, — сказала Яна. — И расходы на возвращение тела отдельно. Иначе мы съедим его долю на охлаждении.

Марк согласился. Она написала число, потом вписала имя получателя: мать Давида, Элла Поляк. Адрес на Церере Яна помнила без подсказки.

Голосовали не поднятыми руками. Каждый касался своей строки на экране. Ада согласилась на подготовку маршрута, с окончательным решением после ремонта и проверки узла. Рут и Глеб приняли. Лев приложил левый палец.

Яна оставила свою строку пустой.

— Я против. Но не прошу высадить меня здесь. Мой договор с кораблём действует.

Марк хотел сказать, что тогда они должны идти вместе. Она опередила его:

— Не считай это согласием. Если так запишешь, я поправлю.

Он сохранил её отказ.

Совещание закончилось без облегчения. Рут увела Льва менять повязку. Глеб пошёл проверять остаток теплоносителя. Ада забрала карты, оставив Марку лист с тремя условиями, под которыми он должен был подписаться лично.

Эстер задержалась.

— Я могу работать. Воду, вентиляцию, ваши регенераторы. Не только свой цилиндр.

Яна уже убирала чашки.

— Сначала покажете Глебу, что именно умеете. Он не любит, когда люди учатся на нашем воздухе.

Эстер кивнула. Марк увидел на её лице первую за всё время растерянную улыбку, которая не пыталась ничего получить.

Письмо Дрея пришло через четыре часа. Время отправления стояло отдельно от времени получения. За эти часы Марк успел заснуть на двадцать минут, проснуться от чужого кашля и помочь Яне перевязать контейнер Давида.

Дрей появился на экране на фоне узкой комнаты с настоящим деревянным шкафом. На полке стоял потрескавшийся-

ся стакан. Марк узнал его: Дрей когда-то давал ему из него воду после тюрьмы и потом не разрешил заменить.

— Ты жив, — сказал Дрей. — Начнём с этого. Наводка пришла через диспетчера, по накладной. О твоём грузе он не знал. Я проверю, кто его подготовил.

Он выдержал паузу, не изображая удивления дальше, чем нужно.

— Выход найду. Подтверди цилиндр: мне нужна фотография панели и номер. На «Соборе» есть люди, которым я доверяю. Приёмка там возможна. Ты доставишь вещь и инженера, я закрываю весь остаток по кораблю. Это не доля. Отдельная плата за доставку. За безопасность после доставки договоримся письменным приложением.

Марк остановил запись. Вроде бы именно этого он просил: конкретные условия, не обещание дружбы. Почему тогда захотелось перемотать к началу, где Дрей просто сказал, что он жив?

В приложении лежали маршрут к маяку «Галс-17», временный пропуск и разрешение забрать ремонтные секции со склада обслуживающего буксира. Не подарок — расход по доставке. В одном поле значилось чужое имя транспортного агента. В другом стояло подтверждение Дрея.

Марк прочёл документы дважды и позвал Аду.

Она проверяла подпись долго. Затем спросила:

— Он говорит, что «Собор» открыт. Почему узел до сих пор не ответил на мой запрос?

— Возможно, отвечает не всем.

— Именно это я и хочу выяснить до разгона.

Марк отправил Дрею условия команды вместе с номером цилиндра. Последнюю строку — о согласии сопровождающего — оставил на виду. Потом открыл документ о доле Давида. В поле ожидаемого дохода пока не было ни одного числа.

Глава 7. Чёрный свет

Лицензия принадлежала «Северной тропе».

Ада узнала это раньше, чем увидела буксир с ремонтными секциями. В первой проверке пропуск был настоящим: действующий транспортный агент, оплаченная энергия, разрешённая масса. Во второй нашёлся связанный рейс. Чужой грузовик должен был пройти «Галс-17» через двое суток. Дрей передал им его окно, не закрыв первоначальный маршрут.

Она отправила капитану оба документа. Марк прочёл и пришёл в рубку.

— Ошибка агента?

— Или он рассчитывает, что мы не станем смотреть дальше оплаты.

— Можем получить другое?

— Можем ждать. Маяк ещё не увидел подмену. Когда увидит, нас снимут с очереди. А другого пропуска нет.

На внешнем экране появилось увеличенное изображение «Галса». Ада не любила смотреть на разгонные маяки через

красивую обработку. Программа собирала из отдельных отражений стройную фигуру и дорисовывала панели. Вблизи всё выглядело хуже: узлы питания, сменные зеркала, радиаторы величиной с маленькое поселение, несколько жилых капсул у основания. Между ними двигались обслуживающие катера.

Она запросила необработанное изображение. Там маяк был рассыпанным набором точек. Так безопаснее: всякий видимый предмет приходилось ещё проверить.

— С «Северной тропой» свяжешься? — спросил Марк.

— Тогда пропуск закроют прямо сейчас.

— Они потеряют рейс?

— Окно. Вряд ли навсегда. Может, на неделю. Их дело, что на борту.

Марк опёрся о стенку. Ада ждала. Она хотела услышать, как он назовёт то, что собирается сделать.

— Мы заберём их разгон, — сказал он.

— Да.

— Ты против?

— Я против, чтобы это называлось временным пропуском Дрея. Остальное я уже посчитала.

Он потянулся к своему браслету, но она остановила его.

— И не ставь решение на меня. Ты предлагаешь украсть чужое окно. Я скажу, могу ли провести корабль.

Марк убрал руку.

— Предлагаю. Можешь?

— После ремонта. Сейчас нет.

Буксир подошёл вечером третьего дня. Его капитан запросил фамилию агента и номер платежа. Глеб выполнил проверку секций прежде, чем разрешил выгрузку. На одну посмотрел, потом долго искал серийный знак под транспортной краской.

— Восстановленная, — сообщил он.

Ада слышала ругань Яны на соседнем канале. Та уже оплатила получение из переведённого Дреем аванса. Назад деньги ушли бы после претензии, не сегодня.

Глеб вызвал капитана буксира, показал свежую краску.

— Прокладку заменишь. И привезёшь нормальное уплотнение.

— Здесь нет склада.

— На твоём левом приводе такое стоит. Я проверил.

Пока мужчины спорили о приводе, Ада исправляла маршрут. До окна оставалось двадцать шесть часов. Они должны были сменить секции, развернуть парус, выровнять отражающую поверхность и пройти предварительную калибровку. Всё это обычно делали за два дня, без розыска и повреждённой руки у человека, отвечавшего за ткань.

Лев работал внутри, на выведенном из рукава участке паруса. Он закрепил инструментальный стол, сел, прижал край коленом. Правую кисть Рут запретила нагружать. Поэтому стежки шли неровнее обычного и времени уходило больше.

Ада спустилась к нему с новым графиком.

— Обязательная латка сколько?

— Четыре часа. Всё остальное — ещё шесть.

— На всё остальное не хватит.

— Тогда не раскрывай внешний угол. Там надрыв.

Она посмотрела на изображение. Если убрать угол, давление распределялось иначе. Для своего двигателя не страшно. Для разгонного луча требовалась новая форма.

— Отметь на схеме, что держит. Не что, по-твоему, ещё выдержит.

Лев поднял левую руку, испачканную клеем.

— На схеме сейчас отметит Яна. Я тебе сказку не шью.

Ада кивнула. Эти слова ей понравились, но она не стала отвечать: Лев уже снова нагнулся к шву.

Ночью пришла вторая запись Дрея. Агент имел право менять судно, объяснил он, просто подтверждение не успело пройти по всем реестрам. Ада запустила проверку. В приложении действительно было право замены, однако только после отмены первого маршрута. Отмены не было.

Она сохранила письмо вместе с исходным пропуском. Не спорить в записи, не выбрасывать из-за неприязни. Если позже придётся выяснять, кто и когда что обещал, память не поможет.

«Собор» всё ещё молчал. Марк сообщил, что Дрей отправил им запрос от своего имени. До получения ответа оставались часы, но окно разгона наступало раньше. Ада оставила запрос открытым и вернулась к проверке паруса.

За час до прохода Глеб подтвердил теплосброс. Новые секции держали давление. Буксирный капитан всё-таки оставил свой комплект уплотнений и уехал, ругая Дрею куда увереннее, чем Глеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.